

**АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ**

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXVIII
ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА

ЦЕНТР «ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

1994

С. И. Авербух

**АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ —
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПУТЕШЕСТВИЯ ИБН ФАДЛАНА НА ВОЛГУ**

В 921 году Джа'фар ал-Муктадир-би-ллах, аббасидский халиф, отправил свое посольство на далекий Атыл (как тогда в Багдаде называли Волгу), в страну булгар. Незадолго перед тем к багдадскому двору прибыл посол из этой отдаленной северной страны. Он привез письма, в которых Алмуш, сын Шылка, царь булгар, просил прислать кого-нибудь, кто наставил бы его в вере, преподал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть и крепость, чтобы укрепиться в ней от парей, своих противников.

Халифское правительство решило использовать представившуюся возможность связи с болгарским царством в своих политических целях. Было дано согласие на то, о чем просил царь булгар, и снаряжено посольство, выехавшее 21 июня 921 года. Секретарем этого посольства с широкими полномочиями был Ахмад Ибн Фадлан. Он составил книгу об этой поездке, описал отдаленную от нас эпоху, сведения о которой чрезвычайно скудны. Это обстоятельство, а также широта охвата всего виденного, яркость описания, соединенная с большой наблюдательностью, живым интересом к вопросам социальных отношений, быта, материальной культуры и верований дают основание считать, что среди писателей IX—X веков, писавших о нашей стране, нет равного Ибн Фадлану. Его книга принадлежит к золотому фонду источников по истории народов бывшего СССР.

Более тысячи лет минуло с той поры. Записки Ибн Фадлана были забыты, и только отрывочные выписки из них сохранил, сопроводив непонятные ему места обвинениями во лжи, писатель XIII века Йакут в своем "Географическом словаре". С этих выписок и начиналось изучение книги Ибн Фадлана. Их называли важным источником такие видные востоковеды, как В. Г. Тизенгаузен и В. Р. Розен. Напротив, их достоверность отрицали археолог А. А. Спичин, востоковед Й. Маркварт и некоторые другие. Только в 1924 году, когда в Меш-

А. П. Ковалевский

хеде (Иран) была найдена рукопись описания путешествия, достоверность памятника становится очевидной, наступает пора более широких возможностей для его изучения.

Выдающийся вклад в изучение путешествия Ибн Фадлана внес в науку А. П. Ковалевский. Приступив к работе над Мешхедской рукописью в начале 30-х годов, А. П. Ковалевский опубликовал в связи с этим ряд статей и заметок [22, 23, 25, 26]. В 1939 году выходит в свет под редакцией И. Ю. Крачковского книга, которая содержит выполненные А. П. Ковалевским перевод текста, филологический комментарий к нему, фотокопию текста по Мешхедской рукописи, исследования [27]. В 1956 году выходит в свет,

посвященное памяти академика И. Ю. Крачковского, новое издание: пересмотренный перевод, новый комментарий, в котором гораздо больше внимания уделено историческим вопросам [31, с. 105], статьи, фототипия текста по Мешхедской рукописи. При этом и в первом, и во втором изданиях комментарий, как говорит А. П. Ковалевский, остается главной частью его работы и составляет основу для научного использования переводного текста [31, с. 105].

Второе издание книги получило широкую известность [4], но А. П. Ковалевский не рассматривал его как завершение работы. "Конечно, — писал он, завершая исследования 1956 года, — в изучении текста Ибн-Фадлана можно сделать еще много... Все это приходится оставлять будущему" [31, с. 117].

Вся работа над текстом Ибн Фадлана стала одной из главных задач научного творчества А. П. Ковалевского. Но к этому он пришел не сразу.

Заслуженный деятель науки УССР, доктор исторических наук, профессор Харьковского государственного университета Андрей Петрович Ковалевский (1 февраля 1895—29 ноября 1969) происходит из известной украинской семьи, к которой принадлежали известный географ и общественный деятель Евграф Петрович Ковалевский, знаменитый путешественник и писатель Егор Петрович Ковалевский и выдающийся социолог Максим Максимович Ковалевский. А. П. Ковалевский прожил большую яркую жизнь ученого и общественного деятеля, педагога, человека, оставил более ста опубликованных научных работ [4].

В молодые годы, как аспирант, затем научный сотрудник кафедры истории украинской культуры при Харьковском институте народного образования, Музея слободской Украины им. Г. С. Сковороды в Харькове и Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде, он сосредоточил свои силы на изучении истории и этнографии восточных славян. В истории и этнографии он прежде всего искал пути проникновения в глубины народной самобытности; в обычаях, верованиях, деталях быта, в народном творчестве видел отражение социально-экономических условий жизни, производственной деятельности человека. Об этом говорят названия его ранних исследований, например работа "Производственные культы старой Украины", "Берегні и перегня" [16].

История и этнография Украины не ограничивались для него только историей и этнографией украинского народа, одних только восточных славян. Об этом свидетельствуют статьи "Подземные хранилища зерна у мариупольских греков" [14], "Давние украинско-турецкие средства водного транспорта" [15], "Производственные культы древней Украины" [11]. "С древнейших времен, — писал он, — различные народы (на Украине. — С. А.), смещиваясь и завоевывая друг друга, создавали ряд государств. Накапливались культурные ценности, которые затем вливались в позднейшую культуру... Следовательно, Старокиевская держава была... звеном тысячелетней предшествовавшей истории". Из этого он делает вывод, что в быту, обычаях, верованиях, народном творчестве современного украинского населения можно обнаружить следы ушедших эпох. Каким же путем подойти к изучению такого сложного взаимодействия культур? Здесь он называет картографический метод в этнографии [12]. "Не попытаться ли, — спрашивает он, — распутать этот клубок картографическим путем, используя рассказы старых людей, записи этнографов прошлых поколений, старые документы, архивные материалы, наблюдения жителей, учителей, интеллигенции села" [12, с. 53, 54]. Затем на базе накопленного

материала создать этнографические карты, которые дадут возможность увидеть динамику явлений, увидеть откуда они распространяются, где была раньше их крайняя граница, где они утрачены новейшим поколением [12, с. 57].

Позднее историко-сравнительный подход и методы картографирования нашли воплощение в работе над текстом Ибн Фадлана, изобилующим этнографическими свидетельствами. А. П. Ковалевский подробно рассматривает их в статье "Ахмад ибн-Фадлан как исторический источник" [30, с. 38—71]. В частности, для анализа сообщений Ибн Фадлана о северном сиянии он привлекает эпизоды из 1001 ночи, Калевипоэг (соответствующий фрагмент он дает в своем переводе), эстонский фольклор, Лачплесис (соответствующие места также даны в собственном переводе), адыгейские сказания. обстоятельно рассматривается и рассказ Ибн Фадлана о единороге. Используются сообщения арабских писателей, легенды манси, хантов, ненцев, изучаются культурные изображения этих народов, предметы материальной культуры. На основании анализа этих разнообразных данных А. П. Ковалевский приходит к важному выводу уже как историк и востоковед-арабист. "Итак, — заключает он, — можно считать доказанным, что даже легендарные и, казалось бы, совершенно чуждые северу рассказы Ибн-Фадлана ни в коей мере не заимствованы из литературы, а весьма добросовестно записаны со слов местных жителей. Перед нами живая картина расспросов и разговоров на ту или иную тему. Этот вывод весьма важен. Он повышает доверие к сообщениям Ибн-Фадлана вообще, особенно касающимся более реальных вещей, чем упомянутые легенды" [30, с. 67]. Тем не менее эти данные не остаются единственным критерием истины, ибо А. П. Ковалевский все же ставил на первое место письменный источник. Поэтому не случайно, что цитируемый абзац он заканчивает следующим выводом: "Однако, чтобы действительно уверенно пользоваться его (Ибн-Фадлана. — С. А.) собственными сообщениями, необходима тщательная работа над текстом, учет всевозможных вариантов и сопоставлений, тем более, что текст, имеющийся в нашем распоряжении, не первоначальный" [30, с. 67].

Поиски народной самобытности, глубокое изучение обычаев, верований, быта, народного творчества были характерны для литературоведческих работ А. П. Ковалевского. Из них назовем "Вопросы экономико-социального метода в литературе" [9], "Вопросы экономико-социальной формулы в истории литературы" [10], а также рецензии, издания, переводы, исследования о писателях, в том числе и писателях стран Востока [4, № 5, 47—50, 57, 59—66, 68, 69, 70].

Многое сближало А. П. Ковалевского с взглядами и научным творчеством Г. С. Сковороды, который был ему дорог, потому что всегда чувствовал себя тесно связанным с украинскими народными массами,

более всего любил свою родину, вобрал в себя предыдущую высокую украинскую народную традицию, ее науку, литературу [6, с. 21]. Вообще же личность и творчество Г. С. Сковороды имели для А. П. Ковалевского исключительное значение. Первая печатная работа его была о Г. С. Сковороде [7]. О жизни и творчестве Г. С. Сковороды он написал ряд статей, рецензий, выступал с докладами [4, № 1, 6, 9, 16, 32—34, 101, 106], следил за новой литературой о Г. С. Сковороде, принимал участие по увековечению его памяти в Харькове, часто цитировал его высказывания, ссылаясь на примеры из его жизни.

Поиски истоков народной самобытности, широкое использование данных этнографии, бережное отношение к тексту и стоящему за текстом его автору составляли основу его работы и в востоковедении.

С начала 30-х годов востоковедная тематика становится ведущей в творчестве А. П. Ковалевского. Помимо названных исследований и рецензий, он выступает инициатором изданий переводов писателей стран Востока и сам редактирует ряд книг, среди которых переводы произведений С. Айни и других выдающихся писателей разных стран и народов Востока. В статьях и комментариях, сопровождающих эти переводы, он стремился прежде всего показать читателю самобытность того народа, на языке которого написано произведение. При этом он относился отрицательно к тому, что принято называть восточной экзотикой. В рецензии на перевод сказок 1001 ночи он выступает за то, чтобы помочь читателю увидеть здесь не только стремление трудового народа "отдаться, — как сказано в предисловии к переводу, — чарованию сладких вымыслов", но реальную жизнь создателей и героев этих сказок [5, с. 267]. Эта же задача ставится и в названной серии переводов — "дать возможность советскому читателю непосредственно познакомиться с произведениями восточных писателей через переводы оригиналов и таким образом понять стремление и надежды этих народов" [5, с. 269].

Он пишет рецензию на книгу П. К. Жузе "К вопросу о научной терминологии у современных арабов". Эта рецензия получила положительный отзыв академика И. Ю. Крачковского [34], была принята во внимание составителем арабско-русского словаря Х. К. Барановым [2, с. 11, 17]. Кроме того, А. П. Ковалевский пишет рецензию на книгу переводов из персидских поэтов "Пальмовые ветви", выполненных академиком А. Е. Крымским [8]. Выступает на II Украинском востоковедном съезде с докладом "Давние украинско-турецкие средства водного транспорта" [15], на эту же тему пишет статью "Чайки и «чайкисты» на среднем Дунае" [13], готовит работу "Из истории турецко-украинских отношений" [17], описывает восточные рукописи Центральной научной библиотеки Харьковского государственного универси-

тета [19], публикует статью о народном образовании в Египте [20], выступает с докладом о материалах к биографии Авиценны [21].

В эти же годы А. П. Ковалевский начинает подготовку к работе по изучению переводов арабских средневековых источников о восточных славянах и их соседях. В феврале 1920 года он выступает в Харьковском институте востоковедения с проектом перевода на русский язык таких источников [34, с. 151]. В августе направляет академику И. Ю. Крачковскому тезисы своего доклада "Задачи и пути изучения арабских источников по истории Восточной Европы", а в письме к нему от 20 августа сообщает об этом дополнительные соображения [34, с. 151, пр. 2].

Широта интересов была индивидуальной особенностью А. П. Ковалевского — ученого, педагога, человека. У стороннего наблюдателя, который хочет видеть ученого только как специалиста, строго сосредоточенного на одном узком направлении научного поиска, эта черта А. П. Ковалевского может быть на первых порах вызовет предубеждение. Но те, кому довелось знать его хорошо, быть его студентами, учениками, сотрудниками, имеют основания утверждать, что именно широта и разносторонность (отнюдь не дилетантские) выделяли его из числа других преподавателей университета и, наряду с другими его качествами, содействовали его успехам в изучении ценных сведений средневековых арабских авторов о восточных славянах. Читатель может убедиться в этом на примере анализа литературных и этнографических данных, который провел А. П. Ковалевский в работе над текстом Ибн Фадлана. Не будет преувеличением утверждать, что без этого его книга об Ибн Фадлане не была бы таким глубоким исследованием, а также не была бы так увлекательна. А ведь А. П. Ковалевский понимал, что, как он сам писал, "в опубликовании нового текста Ибн Фадлана были заинтересованы не только ученые-историки, но и преподаватели и вообще широкие круги советских читателей" [10, с. 77]. И действительно, он подарил науке ценный источник, а массовому читателю интереснейшую книгу о путешествии по Средней Азии и по областям, расположенным на Волге.

* * *

Итак, в четверг, по прошествии одиннадцати ночей месяца сафара триста девятого года (21 июня 921 года) из Багдада вышло посольство халифа и отправилось в далекий путь к царю "славян", как Ибн Фадлан называет болгар. Так начиналась "книга Ахмада ибн-Фадлана ибн-ал-'Аббаса ибн-Рашида ибн Хаммада, клиента повелителя правоверных, а также клиента Мухаммеда ибн-Сулеймана, Хапимита, посла ал-Муктадира к царю «славян», в которой он сообщает о том, что он сам наблюдал в стране тюрок, хазаров, русов, «славян», башкир и

других [народов] по части различий их вероучений, сведений об их царях, их положении во многих их делах".

Первые дни пути посольство передвигалось по территории современного Ирана, по-видимому, не встречая препятствий или трудностей. Вероятно, не увидел здесь Ибн Фадлан ничего примечательного с его точки зрения. Во всяком случае, он только называет пункты, через которые проходил, перечисляя места остановок, иногда называет расстояние между ними. В ходе такого перечисления он сообщает, что в Симнани они подошли к подножию Эльбурса, проследовали через город яблочных садов — Дагман. Близ Сарахса они миновали место, где ныне проходит иранская граница, и вступили в Среднюю Азию. Их путь лежал через Мерв на реке Мургаб, который был в десятом веке центром производства шелковых и хлопчатобумажных материй, в селе Купманах они увидели пески восточных Кара-Кумов, затем они пересекли пустыню, переправились через Джейхун и наконец прибыли в Бухару.

Члены посольства были гостями правителя Бухары, пользовались его покровительством. Ибн Фадлан ничего не рассказывает об этом городе сам, но приводит сведения о нем со слов других и, в частности, рассказывает о различных типах монет, которые были здесь в ходу. Впрочем, как полагает А. П. Ковалевский, рассказ Ибн Фадлана о Бухаре был более подробным, однако его сократил редактор текста, бухарец [30, с. 171, пр. 91].

В Бухаре, предупрежденные о скором наступлении зимы (вероятно, неожиданно ранней), послы наняли корабли и по реке прибыли в Хорезм или, как думает А. П. Ковалевский, в тогдашнюю столицу страны Хорезм, город Кас [30, с. 171, пр. 93, с. 179, пр. 156], где хорезмшах встретил их с почетом, приблизил к себе, устроил им жилье.

Далее начинались владения тюрок, и правитель Хорезма задерживал послов, не желая допустить, чтобы они вслепую рисковали жизнью. Послам даже пришлось не один раз приходиться к хорезмшаху подольщаться к нему и льстить ему, добиваясь разрешения на отъезд. Наконец разрешение было дано, и послы по реке поплыли из Хорезма в Джурджанию.

Может быть, вследствие этого хорезмийцы Ибн Фадлану не понравились, и он называет их самыми дикими людьми и по разговору, и по природным качествам. Их разговор похож на то, как кричат скворцы [30, с. 123].

В Хорезме Ибн Фадлан, возможно впервые, увидел снег и лед. "И замерзла река Джейхун, — говорит он, — от начала до конца ее; и была толщина льда семнадцать четвертей. Коня, мулы, верблюды и повозки проезжали через него, как проезжают по дорогам, — он был тверд, не сотрясался. И оставался он в таком виде три месяца".

Зима в Хорезме напоминала Ибн Фадлану "отделение ада" — Захарир, — отличающееся страшным холодом. "В Хорезме, — говорит Ибн Фадлан, — снег падает не иначе, как с порывистым сильным ветром. Если какой-нибудь человек из числа жителей одарит своего приятеля и хочет оказать ему благодеяние, он говорит: «Пойдем ко мне, чтобы нам поговорить, — ведь, право же, у меня хороший огонь». Это в том случае, если он оказывает ему особое благодеяние и [выражает] особую благосклонность" [30, с. 123].

Надолго, почти на пять месяцев — с пятого ноября 921 г. по второе марта 922 г., — холода задержали в этих местах послов. Они произвели большое впечатление на Ибн Фадлана, и он подробно описывает их лютость и то влияние, которое морозы оказывают на людей, животных, природу, постройки.

С наступлением весны, когда растаяла река Джейхун, посольство стало готовиться в дальнейший путь. Ибн Фадлан подробно рассказывает, как были куплены тюркские верблюды, подготавливались мешки из кож для переправы через реки, делались запасы продовольствия на три месяца, умножалось количество разнообразных одежд. После этого послы выступили из Джурджании и двинулись через страну тюрок по безлюдной пустыне. Они ехали десять дней и встречали бедствия, трудности, сильные морозы и непрерывные снежные метели.

Далее, переправляясь через реки Йаганды (река Чаган, вытекающая из южных отрогов Мугоджарских гор и текущая прямо у подножия Северного Чинка), Джам (Эмба), Джыхыз (Сагыз), Узил (Уил) и другие реки этого района, они прибыли к печенегам на озере Челкар, которое напомнило Ибн Фадлану настоящее море.

Его воображение поразила река Джайх (Урал), он характеризует ее как самую большую реку, "какую мы только видели", и с самым сильным течением, через которую переправились с большим трудом.

На протяжении следующих многих дней пути Ибн Фадлан перечисляет реки — Чаган, Моча, Самара, Кинель, Сок, Кондурча, — преодолев которые, посольство попало в страну народа из числа тюрок, называемого башкиры. Здесь А. П. Ковалевский подробно анализирует этнографические свидетельства Ибн Фадлана, которые, как он пишет, "дают возможность сделать некоторые предположения о племенном составе башкир в то время" [30, с. 26—27].

"И мы уехали из страны этих [людей], — говорит Ибн Фадлан, — и переправились через реки Джерамсан [Большой Черемшан], Уран [Урень], Урам [Урым, Урем], Байнах [Майна], Ватыг [Утка], Нийасна [Неясловка], Джавшыз [вероятно, речка Гаушерма бывшего Чистопольского уезда]". Здесь, между реками Ватыг и Неясловка их встретили послы царя булгар, которые принесли хлеб, мясо, просо. Затем

навстречу им выехал царь: он сошел с лошади и пал ниц, поклоняясь с благодарением Аллаху.

Так двенадцатого мухаррама триста десятого года (12 мая 922 года), через 70 дней пути после выхода из Джурджани посольство достигло цели своего путешествия. Ибн Фадлан пробыл в стране болгар до начала осени, т. е. до того времени, когда, по его словам, ночи удлинились, а дни сократились [30, с. 133]. Он многое увидел здесь и оставил подробный рассказ о природе этих мест, людях, их облике, обычаях, отношениях, быте.

Здесь же, в стране болгар, он видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Атыл [30, с. 141]. Этот народ привлек внимание Ибн Фадлана, и он рассказывает о нем даже более подробно, чем о болгарях. "Я не видел [людей], — говорит он, — с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, белокуры, красны лицом, белы телом" [30, с. 141]. Ибн Фадлан видел и подробно описал обряд похорон руса. А. П. Ковалевский придавал этому описанию большое значение. Он сопроводил его подробным комментарием, текст — репродукцией известной картины Г. Семирадского "Похороны руса". Пересказ этого описания на страницах нашего очерка едва ли целесообразен. Поэтому мы приглашаем читателя самому прочесть его в переводе А. П. Ковалевского, а более любознательных — присоединить к этому чтению еще и обширный его комментарий [30, с. 235—267, № 675—897].

Этим описанием заканчивается книга Ибн Фадлана. После описания русов он приводит небольшие по объему сообщения о хазарах. Но сам Ибн Фадлан, как полагает А. П. Ковалевский, в стране хазар не был и передал здесь чужие рассказы [30, с. 267, пр. 896, 898].

Прибавим к сказанному, что издание 1956 года дополнено вариантами и примечаниями к отдельным листам из книги Ибн Фадлана, основанными на текстах персидских авторов Наджиба Хамадани (XII в.) и Амина Рази (XVI в.), а также снабжено указателями и замечаниями к репродукции картины Г. Семирадского, фотокопией текста книги Ибн Фадлана.

* * *

В результате работы, сделанной А. П. Ковалевским, стало возможным более широко привлечь текст Ибн Фадлана как источник для изучения истории и этнографии болгар, чувашей, башкир, русов, отдельных народов Средней Азии. Одним из доказательств большого значения текста в этом отношении является, в частности, исследование А. П. Ковалевского о чувашах и болгарях, выполненное на базе текста Ибн Фадлана [24]. Работа была издана в Чувашии и получила высокую оценку ученых и общественности этой республики [3]. "Ценность открытия профессора А. П. Ковалевского, — говорится в редакцион-

ном вступлении к его книге, — не подлежит сомнению (речь идет о данных, связанных с происхождением названия чувашей. — С. А.). Настоящая работа профессора А. П. Ковалевского, тщательно и добросовестно выполненная, представляет значительный интерес и заслуживает серьезного внимания. Кроме основного вопроса о племени суваз и его вероятной связи с чувашским народом, автор останавливается на многих других исторических и лингвистических вопросах, касающихся Великой Булгарии и племен Среднего Поволжья в десятом веке. Хотя эти вопросы еще требуют дальнейшего изучения, все же мы полагаем, что работа А. П. Ковалевского содержит большой и интересный материал и для историка, и для этнографа, и для лингвиста" [24, с. 5].

Параллельно с работой над текстом Ибн Фадлана, и особенно с конца 50-х годов, А. П. Ковалевский работал над текстом Ал-Мас'уди. Этому арабскому писателю он придавал большое значение. "Мас'уди, — писал он, — один из выдающихся ученых X века, — острый критический ум, и хотя он стремился развлекать читателя, он все же оставил серьезные требования, которые можно назвать научными в полном смысле слова" [32, с. 180].

Эта работа А. П. Ковалевского осталась незавершенной. Он опубликовал только [28, с. 4—5] комментированный перевод раздела 66-го из сочинения Масуди "Промывальни золота и рудники драгоценного камня" [1, с. 364, 445—446]. Над этой книгой он работал до последних дней жизни. В частности, об этом свидетельствует его подпись и дата от руки — 15.X.69, — которая есть на подготовленной к печати статье "Аль-Масуди о славянских языческих храмах" [33, с. 611]. По-смертно, в 1973 году, эта статья, а также статья "Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным Аль-Масуди", перевод части книги, озаглавленной "Сообщение о славянах, их поселениях, сведения об их царях и о расселении их племен", комментарии к переводу и замечания А. П. Ковалевского были опубликованы Институтом славяноведения АН СССР [33, с. 62—86].

Перевод текста Ал-Мас'уди, комментарии к нему, статьи являются еще одним примером плодотворности того метода источниковедческого исследования, которому А. П. Ковалевский следовал в своей работе. Источник не был для него только текстом. За этим текстом всегда в поле зрения был его автор. "Первая задача исследователя того или иного источника, — писал А. П. Ковалевский в 1939 году, — это исходить из него самого, т. е. прежде всего выяснить, что хотел сообщить сам автор, какой смысл он вкладывал в то или иное выражение, в то или иное определение слова. Он мог не разобраться в том, что он видел, мог ошибочно передать чужое слово, мог, наконец, сознательно что-либо исказить или придумать свое, но нам прежде

всего необходимо выяснить, что, собственно, он сам говорит. Соображения, идущие из текста, данные, добытые другими путями, могут иногда даже запутать дело. Вводя эти данные в первоначальную текстуальную критику исторического источника, мы лишаем его самостоятельности, мы во многих случаях заставляем его говорить не то, что он сам мог бы сказать, но то, что нам уже «известно» по другим данным; мы признаем его достоверность там, где он подтверждает то, что нам уже «известно», т. е. в конечном счете поддерживаем наше предвзятое мнение. Первоначальные примеры такого рода использования исторических источников, особенно как раз арабских, можно найти во многих сочинениях и старых, и новых авторов" [27, с. 32; 30, с. 105—106].

Эти слова, как и замечание А. П. Ковалевского о том, что в тексте источника "часто мелочь, случайная и маловразумительная фраза, кажущееся невероятным или пелешым сообщение при известном подходе, в процессе дальнейшего развития науки вдруг приобретает глубокий смысл" [27, с. 32—33], призывают исследователя (и не только арабских средневековых текстов) к бережному отношению к тексту, показывают, какие возможности могут таиться в источниках, даже в тех, возможности которых, казалось бы, уже полностью исчерпаны исследователями. Этому А. П. Ковалевский учил студентов, учеников, сотрудников.

* * *

Последними работами А. П. Ковалевского, венчающими его путь ученого, были "Антология литератур Востока" [1] и участие в сборнике библиографических работ, посвященном П. Г. Риттеру [35]. В этих изданиях есть материалы, которые имеют значение и для биографии А. П. Ковалевского, для изучения его творческого пути. Эти работы еще раз показывают, что своей жизнью и творчеством он заслужил право на внимание тех, кому не чужда история и культура народов Востока. Выразим же надежду на то, что эта жизнь и творчество будут привлекать внимание исследователей и историков науки.

Литература

1. Антологія літератур Сходу... / Упорядкування, вступна стаття та примітки доктора історичних наук, професора А. Ковалівського. Харків, 1961.
2. Арабско-русский словарь / Сост. Х. К. Баравов. 3-е изд. М., 1962.
3. Данилов Н. Книга о чувашах и булгарах тысячу лет назад // Молодой коммунист. Чебоксары, 19.Х.1954. С. 2—3. [На чувашском языке].
4. Заслужений діяч науки УРСР, професор, доктор історичних наук Андрій Петрович Ковалівський. Бібліографія // Бібліографію склали Х. С. Надель та Р. А. Ставінська. Харків, 1966. С. 25—33.
5. Книга тысячи в одной ночи, перевод М. А. Салье [Рецензия] // Східний світ. 1930. № 3.

6. Ковалівський А. П. Хто такий був Г. Сковорода // Знання. 1928. № 2.
7. Ковалівський А. П. Легенда про Сковороду у французькому словнику // Червоний шлях. 1923. № 1.
8. Ковалівський А. П., А. Ю. Кримський. Пальмове гілля... [Рецензія] // Книга. 1923. № 2 С. 46—47.
9. Ковалівський А. П. Питання економічно-соціальної методи в літературі // Червоний шлях. 1923.
10. Ковалівський А. П. Питання економічно-соціальної формули в історії літератури // Червоний шлях. 1923. № 3.
11. Ковалівський А. П. Виробничі культу в давній Україні... // Науковий збірник Харківської науково-дослідної кафедри Історії Української культури. Ч. 2—3. 1926. С. 141—176.
12. Ковалівський А. П. Картографічний метод в етнології, (13, ч. 7, 1927, стр. 53—62).
13. Ковалівський А. П. Чайки й "чайкісти" на середньому Дунаї // Ювілейний збірник на пошану академіка Дмитра Івановича Багалія... Харків, 1927.
14. Ковалівський А. П. Підземні сховища зерна у мариупільських греків // Східний світ. 1928. № 6. С. 261—264.
15. Ковалівський А. П. Старі україно-турецькі засоби водного транспорту // II Український сходознавчий з'їзд: Тези доповідей. Харків, 1929. С. 57 (стеклограф).
16. Ковалівський А. П. Береги й перегілля... // Науковий збірник Харківської науково-дослідної кафедри Історії української культури. Т. 9. 1930. С. 79—106.
17. Ковалівський А. П. 3 історії тюрко-українських відносин... // Червоний шлях. 1930. № 2.
18. Ковалівський А. П. Східні письменники в перекладах на українську мову // С. Айни. Повість про бідного таджика Адіне. Харків, 1931.
19. Ковалевський А. П. Описание восточных рукописей Центральной научной библиотеки Харьковского Государственного университета // Библиография Востока. Вып. 7. 1934.
20. Ковалевський А. П. Політика народного образования в современном Египте... // Записки Инст. востоковедения АН СССР. Т. 5. 1936.
21. Ковалевський А. П. Биография Авяценны, составленная Ал-Джуджани... // Вторая сессия Ассоциация арабистов. М.; Л., 1937.
22. Ковалевський А. П. Новооткрытый текст путешествия Ибн-Фадлана на Волгу // Вторая сессия Ассоциация арабистов: Тезисы и содержание докладов, М.; Л., 1937. С. 27—28.
23. Ковалевський А. П. Работа над источниками по истории Восточной Европы и Кавказа Академии наук СССР // Историк-марксист. 1931. № 1. С. 197—198.
24. Ковалевський А. П. Новооткрытый текст Ибн-Фадлана... // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 57—71.
25. Ковалевський А. П. Извлечения из "Записок" Ибн-Фадлана по Мешхедской рукописи... // Материалы по истории туркмен в Туркмени. Т. 1. М.; Л., 1939. С. 155—164.
26. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939.
27. Ковалівський А. П. Арабські джерела до історії народів СРСР і слов'янства // Наукова хроніка Харківського Державного університету: Збірник анотацій. № 1 (4). 1946.
28. Ковалевський А. П. Чуваши и булгары по данным Ахмада ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954.
29. Ковалевський А. П. Книга Ахмада ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.: Статьи, переводы, комментарии. Харьков, 1956.
30. Ковалевський А. П. Изучение сочинения Ахмада ибн-Фадлана по Мешхедской рукописи, 7. С. 105.
31. Ковалівський А. П. Абу-л-Хасан 'Алі ал-Мас'уді як учений // Учені записки (Харківського університету). Т. 78. Труды Іст. фак. Т. 5. 1957.
32. Королюк В. Д. Андрей Петрович Ковалевський // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973.
33. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Ч. 1. М.; Л., 1955.
34. Професор П. Г. Ріттер (1872—1939): Збірник біографічних та бібліографічних матеріалів // Відповідальний редактор заслужений діяч науки УРСР, доктор історичних наук, професор А. П. Ковалівський. Харків, 1966.